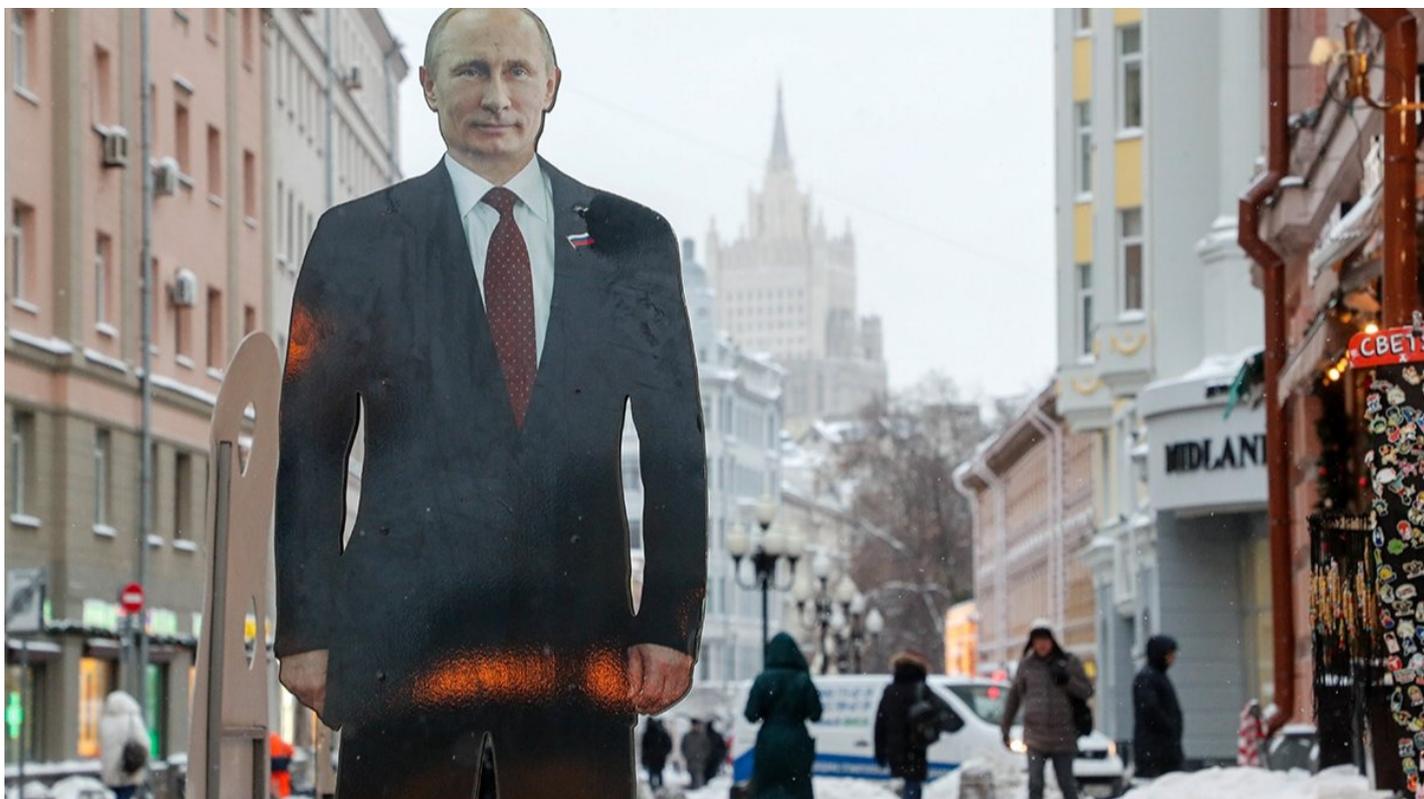

СЮЖЕТЫ • ПОЛИТИКА

Источник, далекий от

Зачем нужны кремлевские инсайды — от мемуаров начальника охраны президента до морозилки с телом Путина

Картонная фигура президента России Владимира Путина стоит на улице возле сувенирного магазина в Москве, 14 декабря 2023 года.
Фото: Максим Шипенков / EPA-EFE

10:20, 13 марта 2024,

Андрей Сапожников

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Гибель Алексея Навального, если «оголеть» ее до сухого информационного повода, является ярчайшим примером кремлевского стиля работы с «негативом». Этот стиль предусматривает полный отказ от комментариев в случае **вопросов** хотя бы отдаленно дискомфортного характера, **дистанцирование** от проблемы и ее низведение до ординарно-бытового уровня: «К сожалению, люди имеют особенность: рано или поздно жизнь заканчивается, умирают», — **рассудил** директор Службы внешней разведки (СВР) Сергей Нарышкин (известный своими точными формулировками со времен **выступления** на Совбезе 21 февраля 2022 года). Такой подход российские власти практикуют еще со времен катастрофы подлодки «Курск».

Но у этой PR-стратегии есть побочный эффект — образование вакуума, в котором совершенно невозможно, опираясь на «официальные источники», разобраться, что в действительности происходит в стране. И хотя на фоне загадочной смерти лидера оппозиции в тюрьме, хаоса с выдачей его тела и организацией похорон глава государства всячески демонстрирует «штатность» ситуации, беззаботно **осматривая** томаты в теплицах Ставрополя, официоз и пропаганда явно не способны удовлетворить информационный голод россиян.

Поэтому от экзистенциальных рассуждений директора СВР часть граждан переключается на откровения «Генерала СВР»: оказывается, Навальный «был отравлен ядом, который вызывает спазм сосудов», за чем стоит «Политбюро 2.0» и Николай Патрушев, «который сейчас реально управляет страной», — ведь Владимир Путин умер 26 октября 2023 года, а его труп поместили в морозильную камеру в резиденции на Валдае.

Это могло бы показаться изощренной конспирологией, если бы

она не была столь симптоматична. Свыше 400 тысяч подписчиков телеграм-канала «Генерал СВР» следят за «кремлевскими инсайдами» про «человека, похожего на президента России» (которого Николай Патрушев **считает** «не человеком, а убицей»), в первую очередь, именно потому, что сам Кремль уже давно держит страну в информационной блокаде. Сориентироваться в ней брифинги Пескова, Конашенкова и Захаровой, периодически разбавляемые лекциями про Рюрика, не слишком помогают.

Но когда-то инсайдерская информация про властные структуры РФ значительно превосходила по качеству анонимные **записки** про произвольную дефекацию первого лица, падающего с лестницы на пятую точку. Хоть и затрагивала порою не менее щекотливые темы.

Откровения охранника

«Борис Николаевич встал, наверное, в туалет хотел... Но упал, описался и лежит без движения. Может, у него инфаркт?.. Борис Николаевич сел на пуфик и заплакал. В трусах да рубашке. Причем свежая сорочка уже испачкалась кровью от уколов. Ельцин начал причитать: "Вы меня на весь мир опозорили, что вы сделали?"»

Принципиальное различие между этой цитатой и «сенсациями» «Генерала СВР» — в том, что ее автор, Александр Коржаков, 5 лет проработал начальником охраны Бориса Ельцина, а детальные впечатления от опыта «близости к телу» опубликовал под своим именем.

Так в 1997 году появилась книга «**Борис Ельцин: от рассвета до заката**», ставшая первым постсоветским произведением в жанре полноценного политического «tell-all».

Она спровоцировала резонанс, возбуждение против Коржакова уголовного дела по факту клеветы на журналиста Евгения Киселёва, названного в книге завербованным агентом КГБ, а также представила читателю альтернативные версии событий вокруг расстрела Дома Советов и «коробки из-под ксерокса», в красках подтвердила слухи о плачевном состоянии здоровья Ельцина и вполне справедливо натолкнулась на критику за предвзятость.

Ведь «От рассвета до заката» — мемуары, написанные представителем проигравшей стороны, «**группы силовиков**», отстраненной от власти как раз-таки в результате скандала с «коробкой из-под ксерокса». Из-за чего оппонирующая Коржакову–Барсукову–Сосковцу «группа либералов», в частности, в лице Анатолия Чубайса и Бориса Немцова описана автором чуть ли не как клика врагов народа. Чем, впрочем, книга и интересна.

Жанр «tell-all» как раз и подразумевает крайнюю сенсационность и субъективность публичного человека, готового «рассказать всё» (в отличие, например, от мемуаров демократов вроде «Хождения во власть» Анатолия Собчака или «Исповеди на заданную тему» Ельцина, представлявших собой нечто среднее между брежневской «Малой землей» и советской серией ЖЗЛ). И самое ценное в воспоминаниях Коржакова — не трактовка политических событий, а именно портреты президента Ельцина и его окружения, написанные не чужим для них человеком.

Ведь само возникновение общественной дискуссии о том, действительно ли во главе государства стоит человек, не способный во время протокольных мероприятий держать себя в

руках и не напиваться до невменяемого состояния, — это мощный антидот от сакрализации власти и пропагандистской лакировки. Собственно, подобный эффект мы в прошлом году наблюдали после публикации скандальных мемуаров принца Гарри «Запасной», спровоцировавших споры о роли монархии и королевской семьи в британском обществе, или же после выхода расследования «Дворец для Путина» в 2021-м, детали которого — про «золотые ершики» и «аквадискотеку» — несколько модифицировали возвышенно-респектабельный имидж Владимира Путина.

К слову, о нём.

Прохожие проходят мимо книг, на обложках которых изображены Сталин (слева) и президент Владимир Путин (второй слева). Фото: Максим Шипенков / EPA-EFE

«Не одноклеточный»

««Давайте вместе отпразднуем День чекиста в каком-нибудь ресторане», — неожиданно предложил мне Володя Путин. Я

сидела у него на Лубянке после интервью, одна, в кабинете директора ФСБ и, сохраняя непринужденную улыбку, судорожно старалась понять, что же пытается сделать главный чекист страны: завербовать меня как журналиста или закадрить как девушку».

Книга «**Байки кремлевского диггера**» журналистки Елены Трегубовой, 4 года проработавшей в «кремлевском пуле», стала вторым и пока что последним каноничным образчиком российской политической «tell-all» литературы — и единственным, затрагивающим путинскую эпоху.

В 2003 году эту книгу выпустило издательство Ad Marginem в серии «Трэш-коллекция», бок о бок с книгами Эдуарда Лимонова и Александра Проханова. Из 2024-го, после опусов «Генерала СВР» и профессора Соловья, трэшем «Байки» совершенно не кажутся. Хотя в начале 2000-х именно хамским и «пошлым» содержанием книги **объяснялся** фактический запрет на появление Трегубовой в эфире федеральных каналов.

Однако куда труднее тем же образом объяснить последовавшее за выходом мемуаров увольнение Трегубовой из «Коммерсанта» **«за прогул»** и **взрыв** возле квартиры журналистки, который московская прокуратура **назвала** «обычным хулиганством» и отказалась заводить уголовное дело, после чего «диггер» эмигрировала в Великобританию.

Повышенное внимание к литературным практикам Трегубовой вполне вписывается в логику даже раннего, еще относительно «вегетарианского» путинизма. «Байки кремлевского диггера» — это без преувеличения главный публицистический документ эпохи транзита власти от Ельцина к Путину. И, вероятно, едва ли не единственный беллетризованный портрет российского автократа, представляющий его как обычного человека, с «блаженной, пацанской полуулыбкой» и «выражением кающейся Марии Магдалины», пытающегося робко ухаживать

за девушкой в японском ресторане, попутно отпуская «шуточки подзаборного пошиба».

Всё это настолько диссонирует с официозным образом президента, что при прочтении «Баек» в 2024 году возникает ощущение, будто бы все пропагандистские старания последних двух десятилетий стали подсознательным отрицанием главы «Как Путин кормил меня суши».

«Когда друзья... допытывались у меня потом, «какой он, этот Путин, в личном общении?», я отвечала:

«Как ни странно, он не одноклеточный. Кажется, вполне среднего советского образования и заурядного интеллекта. Но гибкий. А временами с каким-то пацанским, дворовым (если не сказать подзаборным) обаянием...»

Тем не менее, после того как мы расстались с Путиным, меня почему-то целый день мучило какое-то странное, подспудное, неприятное ощущение... четкое предчувствие, что этот человек сыграет какую-то дурную роль в моей жизни».

Впрочем, довольно приземленный портрет первого лица и обвинение его в удушении свободы слова в России — не единственная причина, почему диггерские рассказы вызвали **«крайне негативную реакцию»** в высших эшелонах власти. Четырехсотстраничный том уместил подробнейшие пересказы закрытых брифингов в ельцинской администрации, разговоров «не под запись» (например, с Валентином Юмашевым, признавшимся, что, по его мнению, «журналисты никогда не должны знать правду о том, что происходит во власти»),

подспудные подробности приватизации «Связьинвеста» и операции «преемник», субъективные характеристики главных политических фигур того периода (в частности, «яркое, красивое и чрезвычайно избалованное существо» — о Владиславе Суркове) и другие любопытные «очеловечивающие» власть детали.

В отличие от Александра Коржакова, не таящего симпатий к одной и желания отомстить другой группе элит, Трегубова с одинаковым «коммерсантовским» цинизмом прокатывается по всем сразу. Это придает весьма заносчивым по стилю подачи «Байкам» неожиданную объективность.

На этом знаковом симбиозе журналистского запала и опыта четырехлетнего тесного сосуществования с «кремлевскими мутантами» российский политический «tell-all» закончился, так и не успев оформиться в более-менее цельный нон-фикшн жанр. Вот уже 20 лет книги, подобные «От рассвета до заката» или «Байкам кремлевского диггера», — с таким же градусом откровенности, обилием эксклюзивных сведений, портретов и альтернативных трактовок — российскими политиками или придворными журналистами не писались и не выпускались. Изменилась страна: облеченные властью собеседники стали менее общительны, а администрация президента России — менее толерантна к медийной и издательской разногласии. Как эти изменения отразились на сути и форме кремлевских инсайдов?

Посетительница перед произведением, изображающим президента России Владимира Путина, на выставке «СУПЕРПУТИН» в Музее современного искусства в Москве, 7 декабря 2017 года. Фото: Максим Шипенков / EPA-EFE

Публицистика вместо реальности

Если зайти в отдел политической литературы американского книжного Barnes & Noble, то от изобилия мемуаристики можно прийти в изумление. Почти каждый публичный политик в США берется за перо или для «подведения итогов», пытаюсь скорректировать свою историческую роль на закате карьеры (пример: «Поворотные моменты» Джорджа Буша-младшего), или, напротив, для формулирования своей предвыборной идеологической платформы («Дерзость надежды» Барака Обамы). Ну или же, что происходит особенно часто, чтобы «рассказать всю правду» о чём-то или о ком-то.

Книги последней категории стабильно провоцируют скандалы, становятся бестселлерами и действительно влияют на политический климат в США, в виде неудобных вопросов иногда **просачиваясь** на брифинги в Белом доме («В мое время»

Дика Чейни, «Стоящие битвы» Леона Панетты, «Комната, где это произошло» Джона Болтона).

Развивая мысль про «tell-all» мемуары как инструмент десакрализации властей, стоит отметить, что подобную публицистику можно и вовсе назвать полноценным политическим институтом, регулярно транслирующим обществу взгляд «изнутри» на работу народных избранников. Кроме того, написание мемуаров для любого известного политика — дело прибыльное: в 2017 году Penguin Random House лишь за возможность напечатать воспоминания Барака и Мишель Обамы **заплатил** супругам свыше \$65 млн. По **словам** Коржакова, за «От рассвета до заката» российские и западные издательства также **начали** охоту еще до начала написания книги, а Борис Березовский за отказ от ее выпуска предлагал \$5 млн.

При этом в современной России крупные гонорары и позиции в списках бестселлеров потенциальных мемуаристов не прельщают. Хотя соблазнительно представить, картину, как условный Дмитрий Медведев, вдохновившись обличительными воспоминаниями Джона Болтона о Дональде Трампе, пишет нечто подобное о Владимире Путине, освещая на страницах его политическую **безграмотность** и **беспринципность**, а заодно и вымещая все свои личные обиды. К сожалению, за такую книгу ни одно российское издательство бы не взялось (ну и автора после подобных откровений не спасла бы даже активно практикуемая им мимикрия под безумца).

Поэтому библиография экс-президента РФ в обозримом будущем так и останется одномерной: в 2008-м под его именем в издательстве «Европа» Глеба Павловского вышел сборник статей и выступлений «Национальные приоритеты» — компиляция программных речей и заметок без какого-либо намека на инсайды. Однако в середине 2000-х именно такие

книги начали теснить мемуары в отделах политической публицистики, знаменуя начало торжества аналитического, а не «диггерского» нон-фикшна (характерные примеры: «Россия перед распадом или вступлением в Евросоюз» Алексея Митрофанова, «Бизнес Владимира Путина» Станислава Белковского, почти вся издательская серия «Проект «Путин»»).

Инсайдами же на этом фоне вдруг стало, например, творчество спецкора «Коммерсанта» Андрея Колесникова, свою публицистическую карьеру начавшего в 2000-м году с сервильно-рафинированной книжки-интервью «**От первого лица: разговоры с Владимиром Путиным**» (столь «смелой», что даже сам автор по аналогии с пропагандистской проельцинской газетой «Не дай Бог» **называл** «разговоры» — «Дай Бог»). Впоследствии Колесников выпустит не один десяток книг в духе «Я Путина видел», «Меня Путин видел», «Увидеть Путина и умереть», представляющие собой зарисовки из жизни человека, по пятам преследующего президента и будто бы пытающегося представить свою, иронично-беллетризованную версию стенограмм с сайта Кремля (чем сейчас, куда менее талантливо, занимается на «России-1» Павел Зарубин).

При этом институт анонимных источников, «близких к...», в российской журналистике всё еще функционировал. В том же «Коммерсанте» в конце 2000-х — начале 2010-х **выходило** в среднем по пять политических эксклюзивов ежемесячно.

За таинственными собеседниками, чьи прогнозы и оценки в те годы были куда более приближены к реальности, нежели в 2020-х, стояли источники ведущих политических журналистов страны среди сотрудников администрации президента и

правительственных структур.

В середине 2010-х было уже достаточно трудно представить ситуацию, при которой, как описывала Елена Трегубова случай из 1998-го, замглавы АП был бы готов рассказать под диктофон, что действующему президенту не следует баллотироваться на следующий срок, — и что эту позицию разделяет руководство АП, — а затем разрешил бы процитировать эти слова в статье с указанием имени спикера. Но сохранившаяся относительная открытость высших чиновников всё же позволила увидеть свет главному инсайдерскому произведению эры «позднего Путина».

Анонимные «динозавры»

Речь, конечно, о бестселлере Михаила Зыгаря «**Вся Кремлевская рать**», вышедшем в 2015-м году и сразу же ставшем **объектом** критики как «собрание слухов, историй и мифов». Книга, предлагающая читателю «историю современной России» в остросюжетной упаковке, почти целиком основана на свидетельствах анонимных собеседников — и, очевидно, их же вольной интерпретации событий.

Например, в книге имеется пересказ диалога Медведева и Путина на рыбалке в Астраханской области летом 2011-го, когда последний объявил «преемнику» о намерении идти на третий срок. И пересказан он столь детально, что пробуждает читательский скепсис: «Ситуация в мире сложная, Дима. Можно и страну потерять... Каддафи вон тоже думал, что не потеряет. А американцы хитрее оказались».

Схожее впечатление оставляют откровения Сергея Пугачёва, который приобрел широкую известность после нескольких сенсационных интервью журналисту Дмитрию Гордону, представлявшему его как «близкого друга Путина». Сомнения вызывает уже то, что титул этот весьма спорный: еженедельник

«Коммерсантъ-Власть» в 2003 году **описывал** Пугачёва как «православного олигарха» и одного из «теневых лидеров группировки силовиков», познакомившего Путина с духовником — Тихоном-Шевкуновым. При этом, как отмечал «Ъ», имидж близкой к Кремлю персоналии

Пугачёв — бывший сенатор и собственник Межпромбанка — поддерживал намеренно, на деле же обладая только личными связями в ФСБ и Генпрокуратуре.

И если, учитывая вышеописанное, отбросить в сторону сомнительные утверждения Пугачёва в духе «я лично привел Путина к власти» и сконцентрироваться не на фактах, а на манере повествования о внутренней кухне Кремля, то рассказы экс-банкира воспринимаются в духе коржаковских. Как крайне ангажированные свидетельства и вправду осведомленного, некогда вхожего во властные круги человека, имеющие ценность на уровне субъективного опыта. Любопытна, к примеру, пугачёвская характеристика Владимира Путина как «господина «да»» (очевидно, по аналогии с прозвищем первого главы МИД РФ Андрея Козырева), отражающая готовность президента «отгрузить фуру с деньгами» буквально на любые предложенные инициативы (что, по словам Пугачёва, совсем не гарантирует дальнейшего их движения и реальной отгрузки денег).

Собственно, и сам Зыгарь **отзывался** о своих информаторах как о «людях-динозаврах», думающих «примерно так, как им всегда нужно говорить», — это действительно стоит учитывать при прочтении «Рати». Как и то обстоятельство, что подобная форма кремлевских инсайдов — предоставленных аудитории не из первых рук, как в случае с Коржаковым и Трегубовой, а с

подачи пообщавшегося с «собеседниками, близкими к...» журналиста, — это сейчас максимально возможная глубина «tell-all».

Из 2024-го наличие пусть даже и узкого круга номенклатурных «динозавров», рассказавших представителю либерального СМИ о беседах тандема на рыбалке и подозрениях Путина в причастности Медведева и Суркова к поддержке протестов на Болотной, кажется чудом.

Бюсты с изображением президента России Владимира Путина на выставке «СУПЕРПУТИН» в Музее современного искусства в Москве, 7 декабря 2017 года. Фото: Максим Шипенков / EPA-EFE

Инсайды из прошлого

Отсчитывая от «Всей кремлевской рати» своего рода реформирование политического «tell-all» жанра в российской публицистике, стоит упомянуть три схожих с ней по форме и историографическому замаху книги: **«Время Березовского»** Петра Авена, **«Говорит и показывает Россия»**

Аркадия Островского и «**Преемник. История Бориса Немцова и страны, в которой он не стал президентом**» Михаила Фишмана. Они менее сенсационны, но при этом более «благонадежны» ввиду того, что содержательный фундамент в них составляют интервью авторов с героями книги, а не анонимные слухи и пересказы.

В то же время у такого подхода есть и фундаментальный недостаток — простор для «черри-пикинга» (субъективной выборки. — **Прим. ред.**) при подборе респондентов для интервью. Когда вышло «Время Березовского», Алексей Венедиктов (на тот момент главред «Эха Москвы») на закрытом обсуждении книги **раскритиковал** Авена за отсутствие в ней бесед с Михаилом Ходорковским и Владимиром Гусинским, а героев имеющихся интервью — Чубайса и Волошина — за ложь и преуменьшение фигуры Березовского до «мелкого жулика» («назовите это «Время Чубайса» или «Время Волошина»»). Вдобавок, несмотря на отчасти инсайдерскую сущность всех трех упомянутых книг, все они — историчны, сфокусированы на прошлом и транслируют эксклюзивы «задним числом».

Существует и довольно самобытный пример того, как ретроспективная эксклюзивность сливается с предельно пристрастной подачей в духе «от рассвета до заката», — книга «**Путинбург**», вышедшая в Великобритании в 2019-м году за авторством Дмитрия Запольского. На обложке он представлен как «легендарный журналист», хотя информации о нём в открытом доступе крайне мало. По данным «**Новой газеты**», в начале 1990-х Запольский был депутатом Ленсовета, что в некоторой степени объясняет проявляемую им на страницах «Путинбурга» осведомленность в том, что «Путин... ни хрена не понимает в людях».

Однако в текущих условиях широкая аудитория, очевидно, куда больше жаждет, или даже — нуждается в информации об

актуальной ситуации. При этом сами источники инсайдов крайне редко раскрывают их происхождение (и, соответственно, цель озвучивания конфиденциальной информации) — а их еще недавно рукопожатные посредники вроде Михаила Зыгаря, которые могли сохранять конфиденциальность собеседников и собственной репутацией подтверждать достоверность передаваемых эксклюзивов, объявлены в России иностранными агентами. Возникла продиктованная повышенной неопределенностью ситуация «злободневность в ущерб качеству».

Достоверность настоящего

Если судить по тому, что с 2017 года АП фактически является полностью закрытой для журналистов структурой, а 90% прогнозов окол Кремлевских собеседников «Медузы» **не сбылось**, то напрашивается утверждение о снижении качества инсайдов как таковых.

Это благодатная почва для расцвета конспирологов, паразитирующих на информационной блокаде для распространения сомнительных сообщений и откровенного бреда под видом эксклюзивов, — которые, что примечательно, готова замечать западная пресса, причем от таблоидного **The Sun** до **The Wall Street Journal**. И пока в России сохраняется режим персоналистской автократии, причем всё более жесткой и жестокой, эта тенденция на «таблоидизацию» политического медиапространства будет только развиваться.

Всё еще актуален прецедент с публикацией книг Александра Литвиненко «**Лубянская преступная группировка**» и «**ФСБ взрывает Россию**». Воздерживаясь от оценки их публицистически-инсайдерских достоинств, вспомним, что после выхода двухтомника ФСБ было **возбуждено** уголовное дело по факту разглашения государственной тайны, тираж печатных изданий «ФСБ взрывает Россию» был перехвачен и

конфискован, книги были **запрещены** к продаже в РФ, «ФСБ взрывает Россию» — признана экстремистской, а сам автор был убит в Лондоне через отравление полонием.

Когда подобное перечисление гипотетической цепочки событий, следующих за публикацией инсайдерского политического «tell-all» в России, начнет выглядеть как сценарий хоррора, а не как предсказуемое развитие ситуации, — нас, несомненно, ждут долгие часы и часы увлекательного изучения творчества новых «кремлевских диггеров». А пока что можно лишь прочесть свежий **репортаж** Андрея Колесникова о том, как Владимир Путин «побывал в помидорном раю».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Васильич горит на работе»](#)

Новогодние истории профессора Валерия Соловья, рассказанные им самим — под бой курантов

18:30, 31 декабря 2023,

[Эсквайр Минаев](#)

Как любимый писатель администрации президента руководил культовым глянцевым журналом

17:05, 4 января 2024, Андрей